

УДК 93:323.3

ББК 63.3

О.А. ХАБИБРАХМАНОВА

СОВЕТСКИЕ ДОМА УЧЕНЫХ: ПРАКТИКИ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ 1920–1930-х ГОДОВ

Ключевые слова: интеллигенция, культурное пространство, Дома ученых, агитация.

Рассматривается история первых лет организации и функционирования культурных учреждений – Домов ученых – как специфичной формы институализации советских культурных традиций. Дома ученых с момента своего создания призваны были культивировать советский образ жизни. Внимание акцентируется на создании новых форм организации досуга в будние дни и праздники. Деятельность Домов ученых была строго регламентирована. Работа специальных культурных комиссий, организация и проведение советских праздников в стенах Домов ученых должны были способствовать стиранию старых и формированию новых/советских традиций. На основе архивных источников и мемуарной литературы предпринимается попытка изучения рефлексии интеллигенции на действия властей. Прослежена специфичная позиция интеллигенции на появление новых культурных традиций. Показана многообразная палитра настроений вузовской интеллигенции, в основе которой лежит не только отношение к новой власти, но и социально-психологическая мотивация. Рассмотрены разнообразные социальные практики ученых и степень их влияния на формирование и деятельность вновь созданных культурных учреждений. На примере работы Домов ученых рассмотрены процесс и специфика «перехода» интеллигенции вузов к советским нормам и традициям. Акцент сделан на особенностях функционирования Домов ученых как нового культурного пространства, в котором сталкивались и причудливым образом переплетались «советские» и дореволюционные традиции жизни и деятельности вузовской интеллигенции. Определено место Домов ученых в первые послереволюционные десятилетия (1920–1930-е гг.), которые в результате действий ученых стали центрами не только и не столько идеологической, а скорее культурно-просветительской деятельности. В работе прослеживается непосредственная связь между политикой советской власти в области высшего образования и трансформацией социально-культурного пространства вузовской интеллигенции в целом. В работе подчеркивается особое влияние социально-профессионального и культурного пространства на формирование мировоззренческих позиций интеллигенции 1920–1930-х гг. В конечном итоге ставятся принципиальные вопросы о месте и роли вузовской интеллигенции в раннесоветский период.

18 июня 1922 г. в Москве в бывшем особняке Коншиной на Пречистенке был открыт первый советский Дом ученых. Это событие оказалось знаковым в череде глобальных изменений, охвативших практически все области культурной жизни общества 1920–1930-х гг. Уже в ближайшие несколько лет, по примеру московского, было создано сразу несколько Домов ученых в провинции. Дома ученых мыслились советской властью как учреждения, в которых могли бы культивироваться новые, советские традиции. Подобные культурные учреждения создавались повсеместно и для других категорий населения. Но власти, осознавая особый статус дореволюционных ученых – независимость, корпоративную обособленность, не мешавшую, однако, влиять на социально-политическую и культурную жизнь общества, придавали особое значение деятельности именно Домов ученых. Ряд современных исследователей, реализуя культурно-антропологический подход фокусируют внимание на изучении таких аспектов досуговой повседневности, как проведение праздничных мероприятий [7, 8], организация летнего отдыха и др. [1, 12, 13]. Обращение исследователей

к названным сюжетам помогает воссоздать более целостную картину властных стратегий и практик по формированию досугового пространства, оказывающего непосредственное влияние на политические предпочтения интеллигенции [6]. В этой связи интересным становится изучение Домов ученых как культурного пространства, в котором аккумулировались методы советской власти по трансформации дореволюционных ценностей и традиций.

Рефлексии профессоров и преподавателей, фиксируемые посредством обращения к мемуарной литературе и архивным источникам, не только дают представление о результатах усилий власти по формированию нового культурного пространства, но и позволяют выявить степень участия и влияния самих ученых в преобразовательных стратегиях советской власти. Немаловажным фактором при этом становится и позиция ученых. В данном случае речь идет об отношении к власти, которое во многом зависело от лояльности вузовской интеллигенции.

В 1920-е гг. ценой невероятных усилий, сказывались голод, безденежье, были открыты Дома ученых в Казани, Саратове, Ульяновске. 6 апреля 1924 г. в торжественной обстановке должен был открыться Дом ученых в Казани. Программа открытия предполагала выступление Председателя секции научных работников Г.Б. Гермаидзе и концерт. Но открытие не состоялось, сначала его отложили до осени, а затем на неопределенный срок [З. Д. 133. Л. 7]. Основной причиной срыва открытия Дома ученых оказались голод и безденежье. В отчетах секции научных работников было записано: «Голодающие этой работы дать не могли (были прямые случаи указаний на связь отказов от работы с невыносимым материальным положением)» [З. Д. 287. Л. 3]. Только в 1925 г. в результате настойчивой работы Дом ученых удалось открыть. По ул. Комлева, 22, после выезда оттуда Совнархоза со всеми служащими, освободилось просторное помещение, которое и было передано Дому ученых. В новом помещении имелись 4 комнаты, читальня на 20 человек, зал на 150 человек и буфет [З. Д. 494. Л. 25].

Важным научно-просветительским центром стал саратовский Дом работников просвещения, открытый в 1922 г. Изначально Дом работников просвещения, как и казанский Дом ученых, не имел своего помещения и располагался в жилом доме. Позднее и он обрел постоянную прописку на углу ул. Комсомольской и проспекта Ленина (бывшие ул. Приютская и ул. Московская). Саратовские ученые, резонно полагая, что Дом работников просвещения должен стать центром культурной и общественной жизни Саратова, принимали самое активное участие в его работе.

Культурные учреждения, созданные властью, должны были сфокусировать новые формы организации досуга по-советски. С этой целью были созданы специальные комиссии [З. Д. 335. Л. 169об.]. Главная, политико-просветительская функция была возложена на культкомиссию. Правление казанского Дома ученых возглавил профессор Ветеринарного института Б.Г. Массино, блестящий ученый, основатель кафедры паразитологии и инвазионных болезней. Борис Григорьевич с энтузиазмом взялся за дело. В состав правления Дома вошли именитые на тот момент ученые – зоолог Н.А. Ливанов и будущий ректор Медицинского института М.И. Аксянцев. Члены правления, носители «буржуазных» традиций, культивировали их и в стенах Дома ученых. Правление Дома пыталось придать его работе широкое культурное, а не идеологическое направление.

Профессора и преподаватели, посещавшие Дом ученых, могли принять участие в работе многочисленных кружков. Дом работников просвещения в Саратове предлагал своим посетителям принять участие в работе кружков диалектического материализма, иностранных языков, кройки и шитья и других [2. Д. 407. Л. 14]. В Казани в 1928 г. можно было записаться в кружок иностранных языков, стрелковый, шахматно-шашечный и кружок вокального пения [3. Д. 632. Л. 2].

В казанском Доме ученых проводились концерты с участием самодеятельного оркестра. Возглавлял оркестр, будучи сам неплохим скрипачом, профессор А.Е. Арбузов. Известный математик Н.Г. Чеботарев «... участвовал активно и охотно на вечерах как пианист», – вспоминали впоследствии о нем студенты [10. Л. 4]. Каждую неделю для детей ученых организовывали детские игры, проводили семейные вечера, проходили заседания различных ученых обществ [3. Д. 494. Л. 34], была организована школа танцев [11. Л. 6]. Библиотека к началу 1930-х гг. насчитывала около 300 томов различных изданий, ее посетителями стали 295 научных работников [3. Д. 816. Л. 88]. В одной из комнат был установлен бильярд, который не только занимал ученых, но и приносил доход: на 1927 г. он составил 860 руб. [3. Д. 602. Л. 1], деньги для Дома ученых немалые. Дом ученых старался помочь ученым и материально. В здании Дома был организован детский сад для детей ученых – членов секции научных работников, сначала он мог принимать не более 20 детей, но постепенно его возможности были расширены [3. Д. 816. Л. 73]. При Доме ученых функционировала столовая на 500 человек [3. Д. 794. Л. 150].

Как и в Казани, саратовский Дом работников просвещения сфокусировал многие дореволюционные традиции времяпрепровождения. Так, в 1926 г., приняв приглашение университета, в Саратов приехал видный ученый-геолог Б.А. Можаровский. Найти квартиру для профессора в условиях жилищного кризиса оказалось крайне непросто, выход был найден: профессору выделили помещение в Доме работников просвещения. Семья поселилась возле комнаты-холла с камином, эта комната считалась детской. «Нередко после ужина на полу расстилался большой ковер, на него усаживались дети, взрослые – на стулья вдоль стен. Борис Александрович садился за пианино, и начинался «необыкновенный концерт». Взрослые пели, танцевали, придумывали различные конкурсы и вообще вели себя как дети. Много раз заглядывал на эти посиделки заведующий кафедрой госпитальной хирургии университета Сергей Иванович Спасокуцкий – старый знакомый одного из членов коммуны, тогдашнего директора краеведческого музея, профессора-археолога Павла Сергеевича Рыкова» [9. С. 7]. Своя столовая, детский сад были организованы и в стенах саратовского Дома работников просвещения [2. Д. 407. Л. 12].

Между тем с мощными атаками извне приходилось считаться. Под их нажимом некоторые ученые готовы были скорректировать прежние ценностные установки. Наряду с этим участие в работе новых организаций давало ученым надежду на сохранение, а если удастся, то и на укрепление прежних ценностей. Советские культурные учреждения, такие как Дом ученых в Казани, Дом работников просвещения в Саратове, были тем местом, где интеллигенции удавалось использовать и реализовывать прежние ментальные установки. Просветительская деятельность, научный диспут как основы профессиональной деятельности проводились в стенах Дома ученых согласно этосу науки дореволюционного ученого.

Активное участие в работе казанского Дома ученых принимали многие профессора и преподаватели. Большую популярность в то время имели лекции по истории, которые читал «красный» профессор историк Михаил Ксавьеревич Корбут. В 1920-е гг. он раз в неделю читал лекции по истории Казанского университета, их тематика соответствовала периодам: «Казанский университет 1850–1860-х гг.», «Казанский университет 1880-х гг.», «Казанский университет 1905 г.» [3. Д. 760. Л. 13об.]. В плане работы казанского Дома ученых значилась организация таких лекций, как «По Западной Европе», «Берлин, Париж, Лондон», намечен диспут «Какой нам нужен брак?» [3. Д. 335. Л. 29]. В 1929 г. было принято решение проводить консультации по вопросам питания, но «напряженная экономическая обстановка того периода сделала их почти абсурдными, и, естественно, желающих проконсультироваться не оказалось» [3. Д. 335. Л. 29].

Были и те, кто категорически отказывался принимать какое-либо участие в работе Дома ученых. Об этом не раз упоминалось в резолюциях обкома профсоюза работников высшей школы: «С 1-го сентября сорвано 3 доклада и 5 лекций по животрепещущим научным и политическим вопросам» [4. Д. 1. Л. 33]. В заседании пленума Обкома работников высшей школы критиковали работу Дома ученых: «На таком важнейшем участке, как пропаганда диалектического материализма, работу поставить не удалось на должную высоту» [3. Д. 816. Л. 87]. «Научные работники отказываются читать лекции на политические темы, когда Дом ученых поручает читать лекции, то никто не соглашается. Мы просили профессора Викторова, Подъячева, но они отказываются» [4. Д. 1. Л. 15].

В саратовском Доме работников просвещения проводились лекции, диспуты по актуальным вопросам, связанным с историей края, гуманитарным и естественным наукам [4. Д. 44. Л. 3]. В 1925 г. лекции читали такие известные ученые, как В.И. Разумовский, Н.М. Какушкин, А.А. Богомолец, В.В. Голубев. Тематика лекций могла быть самой разнообразной: «О происхождении мира», «Женщина-мать и женщина-работница», профессор П.И. Алексеев читал лекции по теме «Грамотность и суд» и другие [4. Д. 148. Л. 1].

К концу 1920-х гг. советские культурные учреждения, созданные для ученых, стали центрами притяжения вузовской интеллигенции вне зависимости от политической позиции. Здесь сталкивались и причудливым образом переплетались традиции и обычаи «буржуазной» и «советской» вузовской интеллигенции. Показателен пример: к десятилетию Октябрьской революции Правление казанского Дома ученых выступило с инициативой о переименовании ряда улиц Казани в честь ученых-земляков: А.М. Бутлерова, Н.Н. Зинина, А.П. Щапова, Е.В. Адамюка, П.Ф. Лесгафта [5. С. 78]. Власти города приняли предложение ученых.

Сохранились эти традиции и в 1930-е гг. Например, своеобразный налет буржуазности не покинул стен казанского Дома ученых и тогда, когда в 1934 г. его правление возглавил Г.Х. Камай. Выходец из небогатой семьи (его отец был волжским грузчиком), Г.Х. Камай одним из первых в республике вступил в члены РКСМ, а в 1920 г. стал членом РКП(б). Как представитель национальной интеллигенции, он одним из первых по предложению Татарского обкома партии поступил в аспирантуру Казанского университета. Ученик А.Е. Арбузова, Гильям Хайрович успешно занимался изучением органических кислот, а в 1935 г. возглавил Казанский университет. Представитель иной, советской формации, ученый органично влился в работу Дома ученых и активно участвовал

в ней. Чтобы как-то оправдать работу Дома ученых, лишенную идеологического направления, профессор Г.Х. Камай в своем отчете писал: «Для Дома ученых нужно иметь определенный бюджет, иначе председатель этого Дома обращается в почетного просителя. Мы надоели всем, да и мне надоело ходить и выпрашивать. Ведь десяток лет нет ремонта, и Дом превращается в нечто, вроде кабака [...]. В доме ученых нельзя поставить хорошего концерта, потому что хорошие актеры просят денег ... Да и сами ученые неохотно идут сюда, некоторым надоело выступать, они уже десятки раз выступали, и все это видели. Поставили последний раз танцульку, народ стал посещать. Кроме убытка ничего нет» [4. Д. 1. Л. 15].

В 1934 г. большую популярность приобрел запрещенный тогда буржуазный танец «фокстрот». Профессора и преподаватели с удовольствием осваивали его азы во время посещения кружка западных танцев. Кружок насчитывал в своем составе более 69 преподавателей, тогда как кружки иностранных языков, стрелковый, шахматно-шашечный и вокального пения посещали 60 человек. Большая популярность кружка западных танцев позволила выделить и его активных членов. За исполнение «буржуазного» фокстрота в официальной обстановке нескольким профессорам и преподавателям были вручены сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса [4. Д. 1. Л. 1]. Председатель Дома ученых Г.Х. Камай прекрасно знал о возможных последствиях своих действий, когда награждал исполнителей «буржуазного» фокстрота призами, ценными в идеологическом смысле. На ученых обрушился шквал критики со стороны советской администрации. В заседании Президиума Татарского областного профсоюза работников высшей школы звучали резкие слова в адрес ученых: «Практикой премирования сочинениями Энгельса за фокстрот администрацией Дома ученых допущена политическая ошибка, которая представляет собой опозление соцсоревнования и ударничества, подлинно большевистской массовой политической работы, легкими видами развлечений – танцами». Массовое осуждение поступков ученых должен был получить после публикации фельетона под хлестким названием «Высшая мера пошлости», который поместили в газете «Красная Татария». Вскоре, в 1935 г., вышла резолюция Президиума Татарского обкома профсоюза работников высшей школы и научно-исследовательских учреждений, в которой работу Дома ученых признали «безыдейной, не отвечающей задачам социалистического воспитания и перевоспитания масс и дифференцированному обслуживанию культурных запросов научных работников». Профессор Г.Х. Камай с формулировкой: «не обеспечивает политической выдержанности в культурно-массовой работе и высокого идейного уровня работы» [4. Д. 1. Л. 33] был снят с должности председателя Дома ученых.

Нападки со стороны советской администрации на работу Дома ученых не прекращались. В 1937 г. руководство Дома обвиняли в отсутствии критики и самокритики, в слабой организации политучебы среди членов Дома ученых в Казани (Дорнита) [4. Д. 44. Л. 48]. Согласно отчетам за 1937 г., в Доме ученых были проведены 43 концерта и 12 спектаклей, показаны 78 киносеансов, состоялось 42 вечера отдыха. Одновременно было организовано только 29 лекций и докладов на общеполитические темы и работало 4 кружка политической направленности. В отчете за 1939 г. значилось, что «политическая агитация и пропаганда, как основной рычаг работы в Доме ученых, проводились слабо, кружок марксизма-ленинизма посещали 14 человек» [4. Д. 51. Л. 21].

Долгие годы благодаря усилиям профессоров и преподавателей Дому ученых удавалось сохранять культурно-просветительский характер работы.

После войны Дорнит стал центром демонстрации достижений науки и техники, открылось общество «Знание». В стенах Дорнита организовывались встречи студентов с именитыми профессорами А.Е. Арбузовым, Н.А. Ливановым, В.И. Барановым. Дом ученых в Казани (Дорнит), Дом работников просвещения в Саратове (Дом ученых) стали, в обход замыслам властей, центрами интеллектуального, творческого и научного общения интеллигенции. Изучение новых форм проведения досуга, инициированных извне, становится важным и нужным, поскольку позволяет пролить свет на такой мало изученный аспект жизни вузовской интеллигенции, как досуговая повседневность, оказывающая непосредственное влияние на формирование новой не только вузовской, но и всей «советской» интеллигенции.

Литература

1. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005, 500 с.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф.Р. 6107. Оп. 1.
3. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 644. Оп. 1.
4. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 5888. Оп. 1.
5. Донская И., Подольская М. Благородное собрание казанских ученых // Казань. 1999. № 7-8. С. 65–78.
6. Корзун В.П., Сидорякина Т.А. К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 1(27). С. 67–75.
7. Малышева С.Ю. Раннесоветская праздничная культура (1917–1920-е гг.): основные этапы и тенденции изучения // Вестник молодых ученых. 2003. № 4. С. 3–15.
8. Малышева С.Ю. «Свое», «чужое» и «чуждое» в сфере досуга: опыты рефлексий и саморефлексий горожан в России второй половины XIX – начала XX в // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 362–371.
9. Музалевский Е. Новый ковчег эпохи // Новые времена в Саратове. 2012. № 28. С. 7–8.
10. Отдел рукописей и редких книг КФУ. Ед. хр. 10084. Дороднов А.В. Н.Г. Чеботарев. 4 л.
11. Отел рукописей и редких книг КФУ. Ед. хр. 10093/1. Кузнецова Н.К. Воспоминания и выписки из дневника. 6 л.
12. Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917–1922 // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред И.П. Ермолаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 149–165.
13. Сидорова И.Б. От «великого перелома» к началу стабилизации: 1930–1940 гг. // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред И.П. Ермолаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 237–248.

ХАБИБРАХМАНОВА ОЛЬГА АРКАДЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии, Казанский государственный медицинский университет, Россия, Казань (Olgaah@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6586-872X>).

Olga A. HABIBRAHMANOVA
SOVIET HOUSES OF SCIENTISTS:
PRACTICES OF CAPTURING THE SOVIET CULTURAL SPACE
BY THE UNIVERSITY INTELLIGENTSIA OF THE 1920s–1930s

Key words: *intelligentsia, cultural space, Houses of scientists, campaigning.*

The article considers the history of the first years in organizing and functioning of cultural institutions – Houses of Scientists – as a specific form of institutionalization of Soviet cultural traditions. The Houses of scientists from the moment of their creation were designed to cultivate the Soviet way of life. Attention is focused on creating new forms of leisure activities on weekdays and holidays. The activity of the Houses of Scientists was strictly regulated. The work of special cultural commissions, organization and holding Soviet holidays within the walls of the Houses of Scientists were supposed to contribute to the erasure of old traditions and the formation of new/Soviet ones. On the basis of archival sources and memoir literature, an attempt is made to study the reflection of the intelligentsia on the actions of the authorities. The specific position of the intelligentsia on the emergence of new cultural traditions is traced.

A diverse palette of moods of the university intelligentsia is shown, which is based not only on the attitude to the new government, but on socio-psychological motivation as well. Various social practices of scientists and the degree of their influence on the formation and activity of newly created cultural institutions are considered. Using the example of the work carried out in the Houses of Scientists, the process and specifics of the "transition" of the universities intelligentsia to the Soviet norms and traditions are considered. The emphasis is placed on the peculiarities of functioning of the Houses of Scientists as a new cultural space in which the "Soviet" and pre-revolutionary traditions of the life and activities of the university intelligentsia collided and intertwined in a bizarre way. The place of the Houses of Scientists in the first post-revolutionary decades (1920s–1930s) was determined, which, as a result of the scientists' activities, became centers not only and not so much ideological, but rather cultural and educational activities. The paper traces the direct connection between the policy of the Soviet government in the field of higher education and the transformation of the socio-cultural space of the university intelligentsia as a whole. The paper emphasizes a special influence of the socio-professional and cultural space on the formation of intelligentsia's ideological positions in the 1920s–1930s. Ultimately, fundamental questions are raised about the place and the role of the university intelligentsia in the early Soviet period.

References

1. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra Universitatis: dva veka uni-versitetskoi kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: two centuries of university culture in Kazan]. Kazan, Kazan University Publ., 2005, 500 p.
2. *Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Saratovskoj oblasti. Fond 6107. Opis'1* [The State Archive of the newest history of the Saratov area. Archives 6107. Anagraph 1].
3. *Gosudarstvennyj arkhiv respubliki Tatarstan. Fond 644. Opis'1* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 644. Anagraph 1].
4. *Gosudarstvennyj arkhiv respubliki Tatarstan. Fond 5888. Opis'1* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 5888. Anagraph 1].
5. Donskaya I., Podol'skaya M. *Blagorodnoe sobranie kazanskikh uchenykh* [Noble Assembly of Kazan scientists]. Kazan, 1999, no. 7-8, pp. 65–78.
6. Korzun V.P., Sidoryakina T.A. *K probleme transformatsii «professorskoj kul'tu-ry»* [On the problem of transformation of "professorial culture"]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, 2009, no. 1(27), pp. 67–75.
7. Malysheva S.Yu. *Rannesovetskaya prazdnichnaya kul'tura (1917–1920-e gg.): osnovnye etapy i tendentsii izucheniya* [Early Soviet festive culture (1917–1920-ies): the main stages and trends of study]. *Vestnik molodykh uchenykh*, 2003, no. 4, pp. 3–15.
8. Malysheva S.Yu. «Svoe», «chuzhoe» i «chuzhdoe» v sfere dosuga: opyty refleksii i samorefleksii gorozhan v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v [“Own”, “alien” and “alien” in the field of leisure: experiences of reflection and self-reflection of citizens in Russia in the second half of the XIX-early XX century]. *Dialog so vremenem*, 2012, iss. 39, pp. 362–371.
9. Muzalevskii E. *Novyi kovcheg epokhi* [The New Ark of the Epoch]. *Novye vremena v Saratove*, 2012, no. 28, pp. 7–8.
10. *Otdel rukopisei i redkikh knig KFU. Ed. khr. 10084. Dorodnov A.V. N.G. Chebotarev. 4 I* [Department of Manuscripts and Rare Books of KFU, Storage units. 10084. N.G.Chebotarev. 4 p].
11. *Otdel rukopisei i redkikh knig KFU. Ed. khr. 10093/1. Kuznetsova N.K. Vospominaniya i vypiski iz dnevnika. 6 I* [The collection of manuscripts and rare books of the KFU, Storage units. 10093/1. Memoirs and extracts from the diary, 6 p.].
12. Sal'nikova A.A. *Revolutsionnye potryaseniya: 1917–1922* [Revolutionary upheavals: 1917–1922]. In: Ermolaev I.P., ed. *Ocherki istorii Kazanskogo universiteta* [Essays on the history of Kazan University]. Kazan, Kazan University Publ., 2002, pp. 149–165.
13. Sidorova I.B. *Ot «velikogo pereloma» k nachalu stabilizatsii: 1930–1940 gg.* [From the "great turning point" to the beginning of stabilization: 1930–1940]. In: Ermolaev I.P., ed. *Ocherki istorii Kazanskogo universiteta* [Essays on the history of Kazan University]. Kazan, Kazan University Publ., 2002, pp. 237–248.

OLGA A. HABIBRAHMANOVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, Russia, Kazan (Olgaah@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6586-872X>).

Формат цитирования: Хабибрахманова О.А. Советские Дома ученых: практики освоения советского культурного пространства вузовской интеллигенцией 1920–1930-х годов // Вестник Чувашского университета. – 2021. – № 4. – С. 158–164. DOI: 10.47026/1810-1909-2021-4-158-164.